

Край мой мятежный.
Край мой крамольный...
Ветер-ведьмак пугачёвщиной дышит.
Край мой далёкий от Первопрестольной.
Горем завейся — Москва не услышит.

Горем завейся, ветром укройся,
Песней утешься, а я буду рядом...
Ойся ты, ойся! Столицы не бойся,
Край мой крамольный, оно тебе надо?

Царь ли царевич? Король-королевич?
В баньке уважь их да в печь на лопату.
Кроток в молитве и страшен во гневе,
Край мой, кровавым рассветом объятый.

Что приуныл, опечаленный в стельку?
Что пригорюнился, счастье не чая?

Где ж он твой царь — самозванный Емелька?
Чай, ты слушаем о нём не скучаешь?

Тёплым платком оренбургским закутай
Зябкую степь, что от ветра продрогла...
Вспомни свою залихватскую удаль
И выходи на большую дорогу.

* * *

Всю жизнь рифмуя розы и морозы,
Всю жизнь воюя с собственной судьбой,
Я не унижусь до презренной прозы,
А значит, не унижусь пред тобой.

Перед тобой, дарившим вдохновенье,
Перед тобой, ушедшим в злую мглу,
Перед тобой, мой непутёвый гений,
Хвалу воспринимавший, как хулу.

Любовь и кровь пожизненно тасуя
И раскрываясь на сквозных ветрах,
Господне Имя не тревожа всеу,
О сокровенном как сказать в словах?..

Буксуя на житейских бездорожьях
И матом кроя брентную тщету,
Назло всем тем, кто жизнь мою итожит,
Остаться поэтессой предпочту.

* * *

Он вёл их молча по былинным,
По диким муромским лесам —
Иуд, что верили наивно
В то, что и он иуда сам.

Вёл, обходя в пути святыни,
Не тратя понапрасну слов,
Духовно-ядерной твердыни,
Что называется Саров.

Он вёл их, Китеж огибая
И светлый болдинский приют...
Знать, на Руси судьба такая,
Что первыми героев бьют.

В пути не раз им повстречался
Шальной разбойник-соловей.
Вослед ведомым так смеялся,
Что листья сыпались с ветвей.

Вёл, обходя Урал и Волгу,
Хоть их никак не обогнуть...
Во временах-пространствах долгий —
Единственно возможный путь!

И мысль одна терзала сердце,
Ведомым вовсе не в укор —
Как миновать в пути Освенцим,
И Саласпилс, и Собибор?..

...А дальше, братья-ляхи, сами.
Эх, ни покрышки вам, ни дна...
“Кажись, пришли! — вздохнул Сусанин. —
Варшава-матушка видна!..”

* * *

*Чудище обло, озорно, огромно,
стозевно и лайй...*

Василий Тредиаковский

Распилы-откаты. Откаты-распилы.
И это, ребята, не лесоповал.
Чиновная шобла почуяла силу
И нас превратила в доходный товар.

А впрочем, стозевное чудище обло,
О коем ещё Тредьяковский писал,
Себя почитает несколько не шоблой,
А — солью земли и началом начал.

От веку всегда при чинах и в законе.
Её не касается смутная хмарь,
Стальной ли генсек восседает на троне,
Сульфурно-елейный помазанник-царь.

Будь имя её не помянуто всуе.
Осыплет себя мишурою наград
И так венценосца искусно танцует,
Что сам, бедолага, порою не рад.

Забавно, что так прозаично-неброско,
Без гнева, патетики, пафосных слов,
Похожий на стёб неформала-подростка,
Звучит мой проворный стишок про воров.

Бюджет распилили проворно и ловко,
И не презирая презренный металл...
Знать, самое время с державной сноровкой
В Сибири осваивать лесоповал.